

УДК 316.472.45

**СОЦИАЛЬНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ
В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ*****SOCIAL SOLIDARITY IN THE PUBLIC POLICY DISCOURSE****Е.В. Реутов****E. V. Reutov**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: reutovevg@bsu.edu.ru

Аннотация

Целью статьи является выявление роли и содержания концепта социальной солидарности в современном российском общественно-политическом дискурсе. С 2000-х гг. идея солидарности как ключевого целевого ориентира развития общества воплощается в концептуальных документах, исходящих от различных государственных и негосударственных структур. На основании результатов серии интервью определен уровень и характер восприятия социальной солидарности представителями общественности. Для общественности солидарность представляется, скорее, нормативной, чем дескриптивной характеристикой российского общества. В общественном дискурсе социальная солидарность рассматривается, прежде всего, сквозь призму коллективных целей и интересов, сплачивающих граждан в рамках общностей разного уровня – от малых групп до страны в целом. Солидарность в этом контексте рассматривается как способность граждан к объединению ради достижения общих целей. Важной составляющей солидарности является также духовно-нравственная общность, нормативно-ценностная и культурная идентичность. В ряде случаев солидарность связывается с тождественностью ментальных и даже поведенческих характеристик членов сообщества. В общественном дискурсе о социальной солидарности выражен также ее деятельностный аспект – взаимопомощи и поддержки, оказываемых друг другу членами сообщества.

Abstract

The purpose of the article is to reveal the role and content of the concept of social solidarity in the contemporary Russian socio-political discourse. The idea of social solidarity is currently in demand by political elites and the public. It is used by politicians to legitimize the political course, to strengthen the national-state identity and to overcome the uncertainty of the country's development guidelines. Solidarity in this case is treated primarily in terms of value unity and patriotism, rallying society in the face of external threats. Since the 2000-s the idea of solidarity as a key reference point for the development of society is embodied in conceptual documents emanating from various state and non-state structures. These concepts corresponded to a conservative political trend, which began with V. Putin's second legislature and worked for its final consolidation. Based on the results of the interview series, the level and nature of the perception of social solidarity by members of the public is determined. For the public, solidarity seems to be a normative rather than a descriptive characteristic of Russian society. In social discourse, social solidarity is seen primarily through the prism of collective goals and interests, rallying citizens within the framework of communities of different levels – from small groups to the country as a whole. Solidarity in this context is seen as the ability of citizens to unite for the sake of achieving common goals. An important component of solidarity is also a spiritually-moral community, normative-value and cultural

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Отделения по гуманитарным и общественным наукам РФФИ. Грант «Реципрокность в воспроизводстве практик взаимопомощи в местных сообществах» № 17-03-00196 (рук. М.Н. Реутова).

identity. In a number of cases, solidarity is associated with the identity of mental and even behavioral characteristics of community members. In the social discourse on social solidarity, it is also expressed its activity aspect – mutual aid and support rendered to each other by members of the community.

Ключевые слова: социальная солидарность, ценности, интересы, взаимопомощь, общественно-политический дискурс

Keywords: social solidarity, values, interests, mutual aid, socio-political discourse.

Российское общество в настоящее время переживает очередной кризис, связанный с определением вектора развития. В экономике продолжающаяся рецессия ставит вопрос об эффективности существующей модели развития, основанной на разделе сфер влияния между крупными корпорациями, значительная часть из которых находится под контролем государства, точнее, верхушки административно-политического класса.

Сжатие некоммерческих сегментов здравоохранения, образования, культуры, социального обслуживания, снижение качества соответствующих услуг усугубляют проблему воспроизводства человеческого потенциала.

Усиление неравенства населения в доходах и собственности является источником массовой фрустрации и повышает восприимчивость социально активных групп населения к левацким и экстремистским идеологиям.

Модель политического управления испытывается на прочность извне и изнутри и в первую очередь – своей неспособностью регулировать деятельность бюрократии, фактически ставшей ключевым актором, определяющим развитие таких сфер, как образование, наука, здравоохранение, правоохранительная деятельность. Между тем купирование бюрократических экспериментов над важнейшими для общества сферами жизнедеятельности становится первоочередным условием сохранения в российском обществе потенциала развития.

Дискуссия об инклюзии религиозных ценностей и образа жизни фактически дошла до предела, переход которого чреват введением государственно-церковной инквизиции в ее православном либо исламском вариантах.

В ситуации многовекторного кризиса естественно обострение проблемы социальной консолидации, единства общества и его способности противостоять центробежным тенденциям, а также общественного дискурса по данным вопросам.

Недаром в последние годы актуализировалась и стала особенно привлекательной для политиков и идеологов концепция социальной солидарности, восходящая еще к О. Конту и Э. Дюркгейму. Последний рассматривал ее в контексте прочности (в полном соответствии с этимологией термина, от лат. *solidus* – прочный) отношений, связывающих индивида с обществом либо непосредственно (механическая солидарность), либо опосредованно – через других людей (органическая солидарность) [Дюркгейм, 1991]. В российской социально-философской традиции П.Л. Лавров, анализируя роль ассоциаций в развитии общества, отмечал, что прогресс заключается «лишь в растущем сознании истины путем все более вырабатываемой критической мысли и в растущем воплощении в общественную жизнь солидарности между людьми, окончательно распространяющейся на все мыслящее человечество в его кооперации ко всеобщему развитию» [Лавров, 1965, с. 296].

В социально-философской дискуссии с социал-дарвинизмом П.А. Кропоткин писал о том, что «практика взаимной помощи и её последовательное развитие создали самые условия общественной жизни, благодаря которым человек смог развить свои ремесла и искусства, свою науку и свой разум; и мы видим, что периоды, когда институты, имевшие целью взаимную помощь, достигали своего высшего развития, были также периодами величайшего прогресса в области искусств, промышленности и науки» [Кропоткин, 2007, с. 236].

В конце XX века проблематика социальной солидарности актуализировалась в связи с усилением процессов социальной поляризации как на национальном, так и на глобальном уровне. В работах Дж. Александера социальная солидарность рассматривается как основная предпосылка преодоления ключевого противоречия гражданского обще-

ства – дихотомии индивидуализма и коллективизма. Однако его трактовка социальной солидарности «с помощью универсалистских терминов» выглядит весьма уязвимо в наше время нарастания рисков, социальной и культурной поляризации: «чувство единения... выходящее за пределы личных обязательств, преданности групповым и сектантским интересам» [Александр, 1999, с. 29–30].

Отечественный социолог О.Н. Яницкий, развивая активистскую парадигму, обращает внимание на значимость фактора риска для формирования солидарности. Он отмечает формирование в обществе риска новых типов общностей – риск-солидарностей, которые либо извлекают выгоду от рисков (солидарности производителей риска), либо стремятся к его минимизации и сохранению привычного порядка (солидарности жертв риска) [Яницкий, 2004]. В социологической концепции З. Баумана процессы глобализации, способствующие нарастанию рисков, оказывают негативное влияние на солидарность за пределами семейно-родственных и других примордиальных структур и формируют "чувство ненадежности и ощущения неопределенности, подрывающих уверенность человека в себе – необходимое условие любого устойчивого участия в общественной жизни" [Бауман 2005, с. 29].

В подавляющем большинстве современных публикаций социальная солидарность рассматривается как качество отношений на микро- и мезоуровне социальности. Она характеризуется одновременно как цель и средство формирования и развития локальных сообществ. В ряде работ последних лет большое внимание уделяется формированию и развитию структур гражданского общества в регионах России, готовности населения включаться в их деятельность [Барков, 2012; Ковалева, Мерсиянова, Якобсон, 2008; Мерсиянова, 2009; Мерсиянова, Якобсон, 2011; Петухов, 2002; Халий, Аксенова, 2010 и др.]; анализируются практики солидарности и взаимопомощи на уровне местных сообществ, взаимосвязь между солидарностью и гражданским активизмом [Звоновский, Меркулова, 2015; Климова, 2013; Реутов, Реутова, Шавырина, 2016; Реутов, Турьянский, 2016; Штейнберг, 2004, 2010 и др.].

Целью статьи является выявление роли и содержания концепта социальной солидарности в современном российском общественно-политическом дискурсе. При этом нужно иметь в виду, что в данном дискурсе программы и концепции, транслируемые элитами, совмещаются и конкурируют с «низовыми» смыслами, порождаемыми массовыми повседневными практиками.

Выявление значимости проблематики социальной солидарности в поле публичной политики осуществляется посредством документального анализа. Анализ программных и нормативных документов федерального и регионального уровня позволяет определить место солидарности в иерархии декларируемых ценностей и репрезентировать ключевые смыслы, вкладываемые в данное понятие. Документы Русской Православной церкви репрезентируют концепт солидарности как ключевую ценность традиционной православной культуры.

Для выявления уровня представленности концепта социальной солидарности в общественном дискурсе в октябре-ноябре 2016 г. нами была проведена серия полуструктурированных интервью (N=30). При этом отбор респондентов проходил по методике целевой выборки и предполагал наличие у них опыта общественно-полезной деятельности в течение последних двух лет. Опрос проходил в Белгородской и Воронежской областях. Респонденты не были ограничены в своих высказываниях о сущности социальной солидарности, поскольку инструментарий исследования включал открытые вопросы, а наличие опыта общественной работы у респондентов способствовало более четкой артикуляции изучаемой проблемы.

Концепт социальной солидарности как составной элемент «русской идеи» вошел в предвыборную программу В. Путина в 1999 году. При этом в программной статье «Россия на рубеже тысячелетий» социальная солидарность фактически ассоциировалась с патернализмом и коллективистскими ценностями и рассматривалась не в категориях «хорошо» или «плохо», а как то, «с чем надо считаться» [Путин, 1999].

С конца 2000-х гг. идея солидарности как ключевого целевого ориентира развития общества стала воплощаться в концептуальных документах, исходящих от различных государственных и негосударственных структур. Эти концепции хорошо укладывались в консервативный политический тренд, начавшийся со второй легислатуры В. Путина, во многом были обусловлены им, но и, в свою очередь, работали на его окончательное закрепление.

В Белгородской области с конца 2000-х гг. по сигналу региональной политической элиты началась программная проработка идеи социальной солидарности. Первоначально была разработана Концепция программы «Формирование регионального солидарного общества», утвержденная распоряжением губернатора области от 3 мая 2011 года № 305-р. Несколько позже она была трансформирована в Стратегию «Формирование регионального солидарного общества» на 2011-2025 годы, утвержденную постановлением правительства Белгородской области от 24 ноября 2011 года № 435-пп. Содержание идеи солидарного сообщества трактовалось в Стратегии как «утверждение в повседневной жизни принципов взаимной лояльности, ответственности, социальной поддержки»¹.

При разработке Концепции и Стратегии обсуждались все плюсы и минусы перевода данной идеи в проектно-технологическую плоскость. Отмечалось, в частности, что практика разработки и реализации социальных проектов в настоящих условиях имеет ярко выраженные риски бюрократизации и имитации. А, следовательно, реализация проекта со столь выраженным социальным смыслом, во-первых, должна осуществляться с обязательным участием представителей общественных структур – общественных активистов, гражданских ассоциаций, территориальных сообществ и т. п. И, во-вторых, предполагать высокую степень "внешнего", общественного контроля за реализацией управленческих решений [Бабинцев, Реутов, с. 22–23].

Чуть позже при активной поддержке Русской Православной церкви идея «созидания солидарного общества» была озвучена на XVII Всемирном русском народном соборе в 2013 г. и вошла в его программные документы как «общественный идеал Российской цивилизации»². При этом основным содержанием солидарности в понимании идеологов РПЦ являлся эффективный этнокультурный диалог и «поиски цивилизационной формулы российской идентичности, разделяемой большинством граждан России независимо от их национальности и вероисповедания»³.

После этого концепт солидарности прочно вошел в общественно-политический дискурс, имея в то же время характер преимущественно нормативного, а не дескриптивного базиса социальных отношений. В результате проведенного в 2012 г. отделом сравнительных политических исследований Института социологии РАН социологического исследования было выявлено, что солидарность, так же, как и другие морально обусловленные составляющие социальных отношений (доверие, честность, равенство, справедливость, свобода) крайне неравномерно сегментирована в российском обществе. Если в отношениях с близкими людьми, друзьями солидарность в качестве реального, дескриптивного признака респонденты оценили в 7,92 балла (по 10-балльной шкале), то применительно к отношениям в трудовых коллективах – уже в 6,23 балла, а к российскому обществу в целом – в 3,85 балла [Дифференциация..., 2013, с. 19]. Таким образом, фактически признавалось, что солидарность – это прерогатива "сильных связей", а относительно комфортными для человека, живущего в нашей стране, являются лишь отношения, лежащие в пределах малого радиуса коммуникаций и основанные преимущественно на родстве, дружбе и отчасти – на совместной профессиональной деятельности.

¹ Об утверждении Стратегии «Формирование регионального солидарного общества на 2011-2025 годы»: постановление Правительства Белгородской области от 24 ноября 2011 г. № 435-пп. URL: <http://docs.cntd.ru/document/469027022> (дата обращения: 12.04.2017).

² Соборное слово Всемирного русского народного собора. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3337081.html> (дата обращения: 14.05.2017).

³ Там же.

При этом латентно выраженный запрос на солидарность не был четко артикулирован – можно было лишь предполагать, как в массовом и индивидуальном сознании операционализируется это весьма неоднозначное понятие.

В оценках значительного числа респондентов социальная солидарность предстает как социальная инклюзия – включенность индивида в социальные группы и общности, а также в общественные процессы: *«под солидарностью я понимаю возможность объединения людей в какую-то общественную группу»* (мужчина, 50 лет, заместитель директора школы); *«под солидарностью я понимаю сплоченность людей разных, разного возраста, активность, ну и в связи с этим, с активностью – участие в общественной жизни нашего города, нашего округа»* (женщина, 82 года, пенсионер).

Иногда солидарность даже напрямую отождествляется с коллективом: *«это группа людей, которые объединены общими интересами, задачами»* (женщина, 20 лет, студентка, староста блока в общежитии).

Однако сама по себе включенность в социальные коллективы и процессы нуждается в прояснении условий и механизмов, движущих социальной интеграцией. Такого рода условия связываются, прежде всего, с общими целями, а солидарность трактуется, как способность людей объединяться для достижения коллективных целей. И это одна из наиболее часто встречающихся линий в концептуальном осмыслении социальной солидарности: *«[это] объединение, консолидация на основе общих целей»* (женщина, 27 лет, профсоюзный работник); *«я это понимаю "вместе" – когда люди объединяются для чего-то, ради чего-то, во имя чего-то»* (женщина, 55 лет, библиотекарь, старшая по дому), *«лично я под солидарностью понимаю объединение людей, естественно в благих и позитивных целях для того, чтобы сделать окружающий мир лучше, но не окружающий мир глобально, каждый должен делать лучше мир, который окружает лично его»* (мужчина, 35 лет, руководитель Центра молодежных инициатив).

Одна из респондентов – психолог по роду занятий – предприняла попытку концептуализации солидарности через взаимную адаптацию индивидуальных и коллективных интересов: *«она [солидарность] рассматривается на уровне межгрупповых механизмов, как взаимодействие индивида с группой, социумом и умение учитывать интересы социума, взаимодействовать с ними, подстраиваться под них»*.

Очень часто общие цели и задачи увязываются с взаимопомощью и взаимной поддержкой членов сообщества: *«[солидарность – это] взаимопомощь, взаимовыручка, отстаивание общих интересов»* (женщина, 59 лет, лаборант, старшая по дому).

Но для некоторых респондентов взаимопомощь приобретает самостоятельный характер и становится ключевым параметром социальной солидарности: *«[это] такая дружба среди людей, поддержка, материальная и моральная»* (женщина, 68 лет, пенсионер, член Совета территории); *«для меня понятие солидарность – это когда каждый человек, каждый гражданин, неважно какого региона, помогает другому, нуждающемуся человеку»* (мужчина, 22 года, муниципальный служащий). В данном контексте любопытной выглядит попытка одной из респондентов проследить оригинальную этимологию слова «солидарность»: *«само слово «солидарность» происходит от слова «дарить». В моем понимании – это так, а дарить – это значит безвозмездно, солидарно – это значит зов души, зов дела, которое ты делаешь, с которым ты связываешься. Должно быть объединение помыслов, объединение какой-то идеи, просто дело, которое нужно людям, но оно должно быть в моем понимании безвозмездным потому, что – дар»* (женщина, 65 лет, пенсионер).

В ряде суждений в трактовки солидарности как социальной инклюзии и способности людей к объединению вкладываются характеристики масштаба. Иногда речь идет о «группах» (подразумеваются, по-видимому, малые группы или небольшие сообщества: *«это как бы способность людей объединяться в группы и помогать друг другу»* (женщина, 19 лет, студентка). Но чаще имеются в виду более масштабные социальные агрегации – уровень муниципалитета, региона или страны: *«это способность граждан страны или жителей того или иного региона, муниципального образования объединиться для решения*

общей цели, для решения тех задач, которые являются наиболее важными и насущными» (мужчина, 41 год, преподаватель вуза, член Президиума Совета отцов городского округа), *«под солидарностью общества я понимаю, что все слои населения должны быть задействованы и жить общественной жизнью. Это значит и пенсионеры, и население, и молодежь, и дети, и люди зрелого возраста как бы должны быть, ну с какой-то общей идеей, большими целями»* (женщина, 56 лет, социальный работник, преподаватель вуза).

При этом, для некоторых респондентов солидарность является неким аналогом патриотизма, действующим на макросоциальном уровне: *«я под солидарностью понимаю, что у нас есть общая Родина, вот, для которой, в общем-то, мы живем и работаем»* (мужчина, 65 лет, военный пенсионер, председатель регионального отделения «Российского Союза ветеранов»).

То, что солидарность может являться характеристикой социальных групп самого разного уровня и характера – в том числе, деструктивных по отношению к социуму, также прослеживается в суждениях респондентов, хотя и немногочисленных: *«слово солидарность означает согласие. Но смотря с чем солидарность, в чем солидарность? В положительном или в отрицательном? Если судить по тому что, по-нашему сейчас теперешнему состоянию общества, то положение и поведение людей, то я бы так сказала, что, вот между теми, кто ведет себя негативно и прочее, у них есть в какой-то степени солидарность, раз они поддерживают друг друга, ведут такой образ жизни, и такое поведение. А вот среди позитивных, значит, людей, тоже своя солидарность, они вот ведут себя вот таким вот образом»* (женщина, 76 лет, пенсионер).

Фактор духовно-нравственной общности, нормативно-ценностной, культурной идентичности предстает в суждениях респондентов почти столь же важным по значимости, как и общие цели и интересы. У некоторых солидарность – это *«чувство сопричастности с мнениями, взглядами других людей, а также их одобрение, поддержка»* (женщина, 27 лет, профсоюзный работник). Но в ряде случаев солидарность связывается фактически с тождественностью ментальных и даже поведенческих характеристик членов сообщества: *«под солидарностью я понимаю единство мнений и идей людей»* (мужчина, 25 лет, юрист), *«солидарность – это когда люди думают одинаково, действуют одинаково»* (женщина, 77 лет, пенсионер).

Акцентирование социальных (общие цели) и ментальных (общие взгляды) интегрирующих механизмов выводят дискурс о социальной солидарности к концепту сплоченности социума, фактически воспроизводя изначальную концепцию солидарности, восходящую к Э. Дюркгейму: *«солидарность – это моральный принцип, который скрепляет и сплачивает людей в единое целое для решения насущных проблем»* (женщина, 22 года, студентка), *«это, наверное, сплоченное общество, у которого есть одинаковые идеи, одинаковое стремление»* (женщина, 70 лет, пенсионер, председатель регионального отделения Общероссийской общественной организации «Российский Красный Крест»), *«солидарное общество – это как бы сплочение, объединение людей во что-то общее, единое, целое»* (женщина, 20 лет, студентка, председатель студенческого совета).

Таким образом, проведенное исследование показало, что идея социальной солидарности является востребуемой и артикулируемой как политическими элитами, так и широкими кругами общественности. Политиками она периодически актуализируется в целях легитимации транслируемых ими образов будущего, а сама солидарность трактуется преимущественно в категориях ценностного единства и патриотизма, сплачивающих общество перед лицом внешних угроз. Есть высокая вероятность использования социальной солидарности и справедливости в качестве ядерной тематики будущей президентской кампании.

Для массового сознания социальная солидарность является своего рода нормативной моделью общественного устройства. Однако представления о параметрах данной модели и реальности ее воплощения в жизнь могут существенно различаться в зависимости от социально-политических установок, социального статуса, жизненного опыта человека. Столь любимой политиками концепции солидарности, выражающейся в идейно-

ценностной монолитности общества, придерживается не такая уж большая доля ответственности. В общественном дискурсе социальная солидарность рассматривается преимущественно сквозь призму коллективных целей и интересов, спланированных граждан в рамках общностей разного уровня – от малых групп до страны. В трактовке социальной солидарности выражен также коммуникационно-деятельностный аспект – взаимопомощи и поддержки, оказываемых друг другу членами сообщества.

Список литературы References

1. Александер Дж. 1999. Парадоксы гражданского общества. Социология: теория, методы, маркетинг. 1: 27–41.
Aleksander J. 1999. Paradoksy grazhdanskogo obshchestva. Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing. 1: 27–41. (in Russian)
2. Бабинцев В.П., Реутов Е.В. 2011. Региональное солидарное общество – утопия или проект? Власть. 5: 18–23.
Babintsev V.P., Reutov E.V. 2011. Regional'noe solidarnoe obshchestvo – utopiya ili proekt? Vlast'. 5: 18–23. (in Russian)
3. Барков Ф.А. Гражданская активность, солидарность и самоорганизация в контексте российской модели гражданского общества. Гуманитарий Юга России. 2: 193–202.
Barkov F.A. Grazhdanskaja aktivnost', solidarnost' i samoorganizacija v kontekste rossijskoj modeli grazhdanskogo obshchestva. Gumanitarij Juga Rossii. 2: 193–202. (in Russian)
4. Бауман З. 2005. Индивидуализированное общество. Пер. в англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М., Логос, 390.
Bauman Z. 2005. Individualizirovannoe obshchestvo. Per. v angl. pod red. V.L. Inozemtseva. M., Logos, 390. (in Russian)
5. Дифференциация гражданских и политических практик в России: институциональная перспектива. Научно-аналитический доклад. 2013. М., 184.
Differentsiatsiya grazhdanskikh i politicheskikh praktik v Rossii: institutsional'naya perspektiva. Nauchno-analiticheskiy doklad. 2013. M., 184. (in Russian)
6. Дюркгейм Э. 1991. О разделении общественного труда. Метод социологии. Пер. с фр. и послесловие Л.Б. Гофмана. М., Наука, 576.
Dyurkgeym E. 1991. O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii. Per. s fr. i posleslovie L.B. Gofmana. M., Nauka, 576. (in Russian)
7. Звонковский В.Б., Меркулова Д.Ю. 2015. Конкуренция и солидарность в новых территориальных сообществах. Вестник Самарского государственного экономического университета. 2 (124): 35–40.
Zvonovskiy V.B., Merkulova D.Yu. 2015. Konkurentsiya i solidarnost' v novykh territorial'nykh soobshchestvakh. Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. 2 (124): 35–40. (in Russian)
8. Климова С.Г. 2013. Идеи и практики солидарности в добровольческом движении. Социологические исследования. 6: 32–41.
Klimova S.G. 2013. Idei i praktiki solidarnosti v dobrovol'cheskom dvizhenii. Sotsiologicheskie issledovaniya. 6: 32–41. (in Russian)
9. Ковалева Н.В., Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И. 2008. Мониторинг состояния гражданского общества в России. Личность. Культура. Общество. 5–6 (44–45): 224–230.
Kovaleva N.V., Mersiyanova I.V., Yakobson L.I. 2008. Monitoring sostoyaniya grazhdanskogo obshchestva v Rossii. Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. 5–6 (44–45): 224–230 (in Russian)
10. Краснопольская И., Мерсиянова И. 2014. Гражданское общество как среда производства и распространения социальных инноваций. Форсайт. 4: 40–53.
Krasnopol'skaya I., Mersiyanova I. 2014. Grazhdanskoe obshchestvo kak sreda proizvodstva i rasprostraneniya sotsial'nykh innovatsiy. Forsayt. 4: 40–53. (in Russian)
11. Кропоткин П.А. 2007. Взаимопомощь как фактор эволюции. М., Самообразование, 240.
Kropotkin P.A. 2007. Vzaimopomoshch' kak faktor evolyutsii. M., Samoobrazovanie, 240. (in Russian)
12. Лавров П.Л. 1965. Исторические письма 1868–1869. Философия и социология. Избр. произведения: В 2 т. Т. 2. М., Мысль, 5–296.

- Lavrov P.L. 1965. Istoricheskie pis'ma 1868–1869. *Filosofiya i sotsiologiya. Izbr. proizvedeniya: V 2 t. T. 2. M., Mysl'*, 5–296. (in Russian)
13. Мерсиянова И.В. 2009. Российское гражданское общество в региональном измерении. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 4 (92): 26–44.
- Mersiyanova I.V. 2009. Rossiyskoe grazhdanskoe obshchestvo v regional'nom izmerenii. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 4 (92): 26–44. (in Russian)
14. Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И. 2011. Сотрудничество государства и структур гражданского общества в решении социальных проблем. *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2: 5–24.
- Mersiyanova I.V., Yakobson L.I. 2011. Sotrudnichestvo gosudarstva i struktur grazhdanskogo obshchestva v reshenii sotsial'nykh problem. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. 2: 5–24. (in Russian)
15. Путин В. 1999. Россия на рубеже тысячелетий. *Независимая газета*. 30 декабря.
- Putin V. 1999. Rossiya na rubezhe tysjacheletij. *Nezavisimaja gazeta*. 30 dekabrya. (in Russian)
16. Реутов Е.В., Реутова М.Н., Шавырина И.В. 2016. Социальная солидарность в установках и практиках населения. *Власть*. 4: 94–99.
- Reutov E.V., Reutova M.N., Shavyrina I.V. 2016. Sotsial'naya solidarnost' v ustanovkakh i praktikakh naseleniya. *Vlast'*. 4: 94–99. (in Russian)
17. Реутов Е.В., Турьянский А.А. 2016. Взаимопомощь и самоорганизация как микропрактики солидарности в местном сообществе. Трансформация социальных отношений в региональном социуме. VI Сухаревские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Саранск, 169–173.
- Reutov E.V., Tur'yanskiy A.A. 2016. Vzaimopomoshch' i samoorganizatsiya kak mikropraktiki solidarnosti v mestnom soobshchestve. *Transformatsiya sotsial'nykh otnosheniy v regional'nom sotsiуме*. VI Sukharevskie chteniya: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Saransk, 169–173. (in Russian)
18. Халий И.А., Аксенова О.В. 2010. Активность структур гражданского общества: ориентация на взаимодействие социальных субъектов. Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение. М., ИС РАН, 229–249.
- Khaliy I.A., Aksenova O.V. 2010. Aktivnost' struktur grazhdanskogo obshchestva: orientatsiya na vzaimodeystvie sotsial'nykh sub"ektov. *Sotsial'nye faktory konsolidatsii rossiyskogo obshchestva: sotsiologicheskoe izmerenie*. M., IS RAN, 229–249. (in Russian)
19. Штейнберг И.Е. 2004. Психология неэквивалентных обменов в сетях социальных обменов городских и сельских семей. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 6 (74): 52–57.
- Shteynberg I.E. 2004. Psikhologiya neekvivalentnykh obmenov v setyakh sotsial'nykh obmenov gorodskikh i sel'skikh semey. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*. 6 (74): 52–57. (in Russian)
20. Штейнберг И.Е. 2010. Парадигма четырех "К" в исследованиях социальных сетей поддержки. *Социологические исследования*. 5: 40–50.
- Shteynberg I.E. 2010. Paradigma chetyrekh "K" v issledovaniyakh sotsial'nykh setey podderzhki. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 5: 40–50. (in Russian)
21. Яницкий О. 2004. Риск-солидарности: российская версия. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2–3: 52–62.
- Yanitskiy O. 2004. Risk-solidarnosti: rossiyskaya versiya. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya*. 2–3: 52–62. (in Russian)